

1917 – 2017

А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ

Понять Русскую революцию: идеология, институты и формы социальной мобилизации в XX веке*

Столетие крушения российской государственности в 1917 г. — принципиальное явление национального самосознания, вновь расколовшее общество на два противоположных лагеря и заставляющее обратиться к поиску смысла революции. Революция — спонтанный психологический срыв общества, связанный с преодолением когнитивного тупика, — это конвульсивная агрессивная реакция традиционалистского сознания на быстрые социальные изменения, определяющаяся, согласно формуле А. де Токвиля, феноменом относительной депривации в условиях неконтролируемого роста завышенных ожиданий. Когнитивный диссонанс, в основе которого лежит противопоставление действующего права и идеала справедливости (как правило, утопического), в ходе революции находит разрешение в сокрушении действующей социальной системы (в отличие от реформы, модернизирующей систему в процессе ее функционирования). Именно этот процесс имел место в ходе гибели Российской империи.

Ключевые слова: русская революция, коммунизм, советское государство, номинальный конституционализм, федерализм, коммунистическая партия, социальная мобилизация, перестройка, постсоветская трансформация, президентская власть, революционное наследие, политическая модернизация.

Революция как способ конструирования социальной реальности

Прекращение функционирования системы означает социальный вакуум, который естественным путем (спонтанной саморегуляцией общества в ответ на внешние и внутренние вызовы) приводит к формированию новой системы. Крушение системы выражается в разрушении ее правового пространства — отказе от легитимирующей формулы старого порядка, разрыве структуры и иерархии правовых норм и институтов. Когнитивное освоение реальности в ходе революции предстает как акт творения — движение сознания общества от хаоса к порядку. Конструирование картины мира в общественном сознании происходит из недискретного мира (хаоса) к созданию дискретного — нового политического порядка, закрепляемого во фреймах (образцах) поведения, правилах и нормах, системах кодирования информации (понятиях

* Статья основана на кратком изложении выводов книги [Медушевский 2017].

Медушевский Андрей Николаевич — доктор философских наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: Мясницкая ул., д.20, Москва, 101000. E-mail: a.medushevsky@mail.ru

и символах). Этот процесс создания правил, норм и поведенческих установок определяет параметры социальной и когнитивной адаптации индивидов. Он имеет характер целенаправленной деятельности и выражается в фиксации новых ценностей, норм и институтов в программных идеологических документах, юридических актах, установках социальной практики. Опираясь на результаты этой целенаправленной деятельности, исследователь способен реконструировать замысел и цели творца — создателя соответствующего документа.

В концентрированном виде процесс преодоления революционного хаоса и создания новой картины мира выражается в юридическом конструировании реальности — целенаправленном создании политических конституций, выступавших как юридические модели реорганизации общества в соответствии с принятой идеологией. Вариативность революционного процесса определяется, следовательно, тем, в какой мере новой политической элите удастся обуздать революционную стихию, преодолеть революционный хаос, поставить деструктивные процессы под контроль и добиться последовательной и рациональной институционализации необходимых социальных изменений, иначе говоря — создать функционирующую правовую систему. Типология революций позволяет разделить их на завершившиеся демократической консолидацией общества и оказавшиеся неспособными решить эту задачу в ходе революционного цикла.

Вопрос о балансе достижений и провалов революции зависит от качественных оценок событий и определяемых ими оценочных критериев. Достижения Русской революции обычно усматриваются в радикальной социальной трансформации — реализованном переходе от традиционного общества к индустриальному; переходе от сословного общества к массовому; расширении уровня социальной мобильности; создании новой экономической и социальной инфраструктуры; решении так называемого аграрного вопроса (путем фактического уничтожения традиционного крестьянства в ходе коллективизации); урбанизации (большая часть населения живет в городах); достижении гендерного равенства; секуляризации сознания; медицинском обслуживании (гигиена, борьба с эпидемиями и т.д.); развитии массовой культуры (всеобщая грамотность и создание квалифицированной рабочей силы). Однако все это — задачи, определяемые понятием модернизации, которые (как показывает опыт других стран) теоретически могли быть осуществлены, причем более последовательно, не революционным, а реформационным путем (с неизмеримо меньшими социальными издержками).

В какой мере революция 1917 года достигла своих социальных целей?

Специфика Русской революции по сравнению с классическими европейскими состояла в попытке единовременного решения трех проблем — перехода к демократии (гражданскому обществу), правовому государству и новому национально-территориальному устройству (федерализм). Эти три направления трансформации, соединенные в узком периоде времени и проходившие в экстремальных условиях Первой мировой войны, вступали в конфликт друг с другом и завершились коллапсом демократической системы, контуры которой начали было оформляться в ходе Февральской революции. Большинство актуальных проблем постсоветского общества коренятся в нереализованности объективных целей Русской революции. Во-первых, она не решила проблему национальной идентичности и формирования гражданской нации (советский миф интернационализма оказался непрочен и в конечном счете рухнул перед лицом роста национализма)

С одной стороны, принцип правового государства исключал идею коллективистской демократии (не формального, но фактического равенства); с другой — эта идея имела мало общего с принципами национализма и национального самоопределения; с третьей — концепция национального самоопределения, будучи механически увязана с концепцией федерализма, таила потенциальную угрозу распаду единого государства, вела к территориальному обособлению наций и этносов, появлению так называемых титульных наций, ставивших под вопрос права национальных меньшинств. Выход из этой цепочки противоречий мог быть найден в рамках последовательного проведения

принципов гражданского равенства. Однако он оказался неприемлем в силу радикального неприятия массами (и левыми партиями) правовых инструментов разрешения противоречий в пользу уравнилельно-распределительной трактовки социальной справедливости. Советский интеграционный проект завершился созданием унитарного государства имперского типа, камуфлировавшего проблемы советского псевдофедерализма по линии его теоретических основ, правовой структуры и институциональной динамики бикамерализма, конструкции законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти Центра и субъектов Федерации. Советский федеративный эксперимент заложил основы крушения СССР и конфликтов на постсоветском пространстве, заставляя задуматься о преодолении допущенных ошибок на пути формирования полноценного федерализма в будущем.

Во-вторых, революция, уничтожив формы частного права, насаждавшиеся в имперский период по образцу западных стран, не только не создала гарантий частной собственности как основы рыночной экономики, но и уничтожила созданные ранее. В истории известны два типа правовых систем – принимающих институт частной собственности (как незыблемое правило, по крайней мере для активной части общества) и отторгающих его во имя фактического (материального) равенства индивидов путем перераспределения ресурсов государством. Французская революция остановилась именно на этой границе (подавив коммунистический заговор Г. Бабефа). Русская революция последовательно прошла по пути отторжения частной собственности.

Данный исторический выбор имел чрезвычайно деструктивные последствия: подрыв легитимности института собственности как таковой; фикция передачи земли крестьянам с полным отчуждением их от собственности на нее (декрет, но не закон); нестабильность экономических институтов (система долго паразитирует на перераспределении ресурсов, не создавая стабильных правил их распределения); подавление коммерческой инициативы и конкуренции как основы экономического роста; деспотический контроль государства над всеми формами хозяйственной деятельности, что дает огромную дополнительную власть над судьбами людей.

Эта система на всем протяжении своего существования основана на слиянии публичного и частного права, отрицает последнее в теории (как “буржуазное право”), общественном сознании и в экономике (подавление фермерства). Доля населения, способного мыслить в категориях рыночной экономики, неуклонно уменьшается. Ныне неприятие права частной собственности в общественном сознании и отсутствие ее полноценных правовых гарантий ведут к ее неправомерному перераспределению – захвату собственности и бегству ее владельцев туда, где она защищена.

В-третьих, не было создано гражданское общество современного типа. Напротив, произошли ретрадиционализация общества, возвращение его в аморфное (атомизированное) состояние, деградация начал европейской культуры, подавление личности (это видно на уровне как правовых понятий, так и русского языка, наиболее четко отразившего примитивизацию и огрубление общественного сознания). Секрет быстрого успеха большевистской революции в том, что ее идеология соответствовала массовому сознанию доиндустриальной эпохи, причем распространение революции останавливалось именно там, где сознание было другим (это видно географически). Поскольку главным инструментом поддержания социальной стабильности остается распределение ресурсов государством, возможность создать полноценный средний класс была упущена.

Данная система, основанная на экономическом принуждении, не самодостаточна – не создает уровня благосостояния, возможного лишь при частной собственности и конкурентной экономике. Она позволяет обеспечить лишь механическую стабильность, альтернатива которой – разрушение системы. Поддержание этой стабильности предполагает перенесение конфликта во внешний мир (идея “мировой революции”), мобилизационный тип сознания (“последний и решительный бой”), его поддержание репрессиями и постоянным воспроизводством образа врага как внешнего, так и внутреннего (скрытые и явные “враги народа”). Разрушительные войны для системы – источник мобилизации, а в случае успеха войн – получения новых готовых ресурсов. Сохраняется

угроза подмены гражданской идентичности имперской, а полноценного гражданского участия — навязываемыми стереотипами официального патриотизма.

В-четвертых, не было создано правовое государство и не реализовалась даже авторитарная модель, способная на переходный период стать гарантом возвращения к правовой стабильности (ассоциирующаяся с бонапартизмом). Попытка решить эту проблему договорным путем созыва Учредительного собрания продемонстрировала вариативность моделей возможного политического устройства — от конституционной монархии до республики парламентского или смешанного (парламентско-президентского) типа. Однако ни одна из них не стала основой последующего революционного процесса. Советская однопартийная диктатура, радикально отвергшая все традиционные демократические формы правления, привела к возникновению системы, основанной на соединении власти и собственности в руках правящего слоя. Вместо защиты частной собственности власть делает высшей ценностью восстановление “порядка” — перераспределение ресурсов между различными группами общества в интересах самосохранения. Данный вектор создал предпосылки реализации сталинской модели социального конструирования — радикальной модернизации общества при опоре на традиционалистские формы социальной и культурной адаптации, информационную монополию и неограниченное применение насилия. Переход от этой системы к правовому государству становился невозможен без радикальных (революционных) изменений ее несущих основ.

В-пятых, до сих пор не решена проблема восстановления правовой и политической преемственности дореволюционной, советской и постсоветской России. Все попытки разрешения конституционного кризиса правовым путем и обеспечения договорного перехода к демократии (Демократическое совещание, Учредительное собрание, Съезд народных депутатов и пр.) заканчивались срывами — крушением государства и его распадом по национальному признаку (два раза за одно столетие — небывалый случай). Термидор, идея которого доминировала в сознании как сторонников, так и противников революции, не состоялся (лжетермидор периода НЭПа был тактическим ходом власти). Русская революция, в отличие от классических европейских, не знала полноценной правовой стабилизации — термидора, бонапартизма, возвращения эмиграции и реставрации монархии. Каждый новый режим в России радикально отрицает предшествующий, разрывая преемственность правовых гарантий. Исключения не составляет и новейший постсоветский режим, возникший в результате революционного коллапса советской диктатуры.

В-шестых, в русской истории новейшего времени не были созданы прочные правовые основания передачи власти от одного лидера другому. Это в России всегда спонтанный процесс, не поддающийся рациональному прогнозированию. Разрыв исторической и юридической легитимности произошел уже в ходе отречения монарха и формирования Временного правительства; долгожданная российская Конституанта (Учредительное собрание), потенциально способная обеспечить конституционно-правовую стабилизацию, была отвергнута в пользу самопровозглашенных советских институтов, быстро ставших прикрытием однопартийной диктатуры большевиков во главе с В. Лениным. Его уход с исторической арены спровоцировал дискуссию о преемнике, завершившуюся установлением власти Триумvirатом, а затем единоличной диктатурой И. Сталина.

Смерть последнего, вновь поставившая проблему преемника, завершилась устранением наиболее предсказуемых кандидатов, приходом к власти Н. Хрущева, свержение которого реализовалось в виде внутрипартийного (фактически — дворцового) переворота 1964 г. Последующий период “стабильности” (“коллективного руководства” партийной олигархии во главе с Л. Брежневым) ознаменовался сменой лидеров в результате простого факта их физической смерти. Наконец, устранение М. Горбачева произошло в результате августовского путча 1991 г. и распада СССР. Эта логика в сущности воспроизводится в постсоветский период: революционный приход к власти президента Б. Ельцина; квазимонархическая передача им власти президенту В. Путину, квазиконституционный эксперимент с “тандемом” и возврат нового-старого президента, общая непредсказуемость передачи власти в будущем. Таким образом, ключевая проблема

конституционной передачи власти не решена — остается фактически вне социального контроля, что очень опасно не только для судеб демократии, но и страны в целом.

В-седьмых, не возникло полноценной национальной политической элиты, отстаивающей интересы государства. Этот результат объясняется отсутствием правовой (конституционной) преемственности, затруднявшей обеспечение легитимности власти и институционализацию лидерства. Дореволюционная элита была уничтожена в ходе революции; революционная — сталинскими репрессиями; последующая номенклатура деградировала вместе с режимом и полностью утратила контроль над ситуацией. Постсоветская элита — таковая лишь в потенции: она оказалась маргинализирована в результате отсутствия правовой легитимности, исторической преемственности, экономической устойчивости, символического статуса и культурно-функциональной идентичности. В целом, она лишена социальной гомогенности, представляя собой неустойчивую комбинацию олигархов, чиновников, силовиков и обслуживающих их интеллектуалов.

Таким образом, революционный проект столетие спустя после его начала, в сущности, не получил полноценного завершения: демократическая консолидация общества далека до финала; федеративное устройство сохраняет живые следы советского наследия и не может быть признано эффективным; ключевые задачи модернизации остаются нерешенными. Если социальная трансформация традиционного общества состоялась, то политическая трансформация (создание демократической системы) до сих пор не доведена до конца. Современная повестка политической модернизации практически полностью сходна с той, которая предлагалась конституционными демократами столетие назад. Главная причина этого — особая природа советского однопартийного режима и логика его функционирования на протяжении большей части XX столетия. Эта логика определялась соотношением трех факторов — принятием основополагающего коммунистического мифа, особым типом номинального конституционализма и созданной на его основе системой институтов и практик социальной мобилизации.

Коммунистический миф в советской и постсоветской истории

Суть коммунистического мифа — радикальная перестройка общества с позиций идеи всеобщего равенства, понимавшегося не как формальное, но материальное (фактическое). Результатом его направленной реализации становилась ретрадиционализация общества — отказ от достижений предшествующего этапа цивилизационного развития, когда имперская государственность в целом эволюционировала в направлении гражданского общества и правового государства.

Коммунистическая идеология проделала существенную эволюцию в ходе реализации революционного проекта — от большевизма к сталинизму и от него — к попыткам ревизии и окончательному крушению. Декларативные принципы системы внешне соответствуют фиксируемым теорией рационального выбора. Данный выбор опирался на: всю полноту доступной обществу информации (“научная” теория); включал неписанный (но подразумеваемый) “договор” между обществом и властью (партией); фиксировал права и обязанности сторон на определенный период времени (от установления диктатуры до построения коммунизма); определял этапы движения по этому пути (стадии построения социализма и коммунизма); предоставлял гарантии реализации фундаментальных целей проекта и способы возможной тактической корректировки движения к нему; вводил систему обратных связей между обществом и элитой (“всемирные обсуждения” и “выборы”); предполагал определенные ограничения прав во имя достижения цели; закреплял образцы приемлемого и неприемлемого (девиантного или преступного) поведения (признаки которого фиксировались кампаниями террора против “колеблющихся”, “врагов народа” или “диссидентов”), наконец, делегировал властные полномочия по достижению цели государству, то есть правящей партии и ее лидеру. На практике этот выбор оказался совершенно иррационален, поскольку основывался на утопической картине мира, включал ложные когнитивные ориентиры и вообще не мог быть реализован на практике.

Распространение коммунистического мифа, под влиянием которого к концу XX в. оказалась едва ли не половина человечества, связана с такими его особенностями, как утопический (квазирелигиозный) характер, чрезвычайная привлекательность для массового сознания традиционных аграрных обществ, особенности его структуры (соединение идеологии, “научного” прогноза и мобилизационной социальной практики). Он охватил своим действием не только страны социалистической системы (“реального социализма”), но и значительное число развивающихся стран Азии, Африки, Ближнего и Среднего Востока, Латинской Америки, где оказался совместим с популистскими программами аграрных и антиколониальных революций. Данный миф и практика его реализации в СССР оказали мощное влияние на их: идеологию (народнические теории социального переустройства); постановку программных целей (построение коммунизма или социализма — марксистского, исламского, африканского, буддийского, кхмерского и т.п.); методы утверждения у власти (революционный переворот с последующим установлением диктатуры — классовой, однопартийной, личной); формы господства (стремление к тотальному контролю государства над обществом, экономикой и информацией); способы достижения этих целей (уничтожение целых классов и слоев населения в условиях “военного коммунизма” и его аналогов); сходство системы мобилизационных институтов (образцом которых выступали российские советы крестьянских, рабочих или солдатских депутатов или их аналоги под контролем революционной элиты, иногда с учетом специфики конфессиональных, этнических и даже племенных различий); полное отрицание либерально-демократических институтов представительства, парламентаризма, федерализма, разделения властей и местного самоуправления во имя чрезвычайных революционных форм власти и управления; юридическая несменяемость власти, установление культа личности правителя как системно цементирующего института. Речь шла не столько о заимствовании советских правовых форм, сколько о сути режимных характеристик — фактически бесконтрольной в осуществлении насильственной модернизации общества власти. Результатом стал особый тип деспотического государства, опиравшегося на историческую традицию, государственную идеологию и массированные репрессии. Общая логика развития политического процесса в этих режимах также сходна: постепенное усыхание идеологического (утопического) ядра, движение от революционного хаоса к механической стабильности и порядку, переходящему в застой, к крушению системы — отказу от номинального конституционализма в пользу реального, как правило, с последующим установлением различных модификаций авторитаризма.

Номинальный конституционализм как форма социального регулирования

Правовым выражением этой системы стал номинальный конституционализм — провозглашение норм, не реализуемых на практике. Его советский вариант может быть определен как своего рода “магический реализм”: его нормы вполне реальны (с юридической и эмпирической точек зрения), однако их истинный смысл выступает как эманация идеологической магии (то есть он основан не на знании, но на вере в сверхъестественное). Поэтому истинный смысл норм недоступен профанному пониманию (в том числе профессиональных юристов старой школы, опирающихся на доказательные методы познания) и может быть установлен исключительно посвященными — идеологическими жрецами культа и экспертами, владеющими методами “научной” марксистской идеологии, работающими с этими сакральными объектами в глубокой тайне, с соблюдением установленного ритуала, использованием особого языка, символов, знаков. Эта идеологическая магия способна так истолковывать нормы, что их очевидный смысл меняется на противоположный.

Номинальный конституционализм исторически противостоял реальному, но отличался и от мнимого конституционализма эпохи дуалистических монархий начала XX в. и их современных аналогов, поскольку последний, пусть в ограниченной форме, включал элементы разделения властей и парламентского контроля над исполнительной властью. В отличие от реального, советскому номинальному конституционализму

присущи три основных особенности – приоритет идеологии над правом, полное отсутствие реализуемого характера правовых норм, отказ от судебного контроля конституционности законодательства (только политический контроль) и, как следствие, чрезвычайная гибкость (все правовые нормы могли быть наполнены любым угодным власти содержанием путем их идеологического и политического толкования). Феномен номинального конституционализма, достигший наивысшего развития при сталинизме, не является, однако, исключительно российской спецификой. Он утвердился во всех странах, строивших политическую систему в соответствии с советской моделью светской теократии.

СССР со времени его утверждения (Конституция 1924 г.) представлял собой гибрид взаимоисключающих принципов – конфедеративное объединение, определявшее себя как федерацию, но на деле представлявшее собой унитарное государство. Три основных принципа советского квазифедерализма вступали в неразрешимое противоречие: конфедерализм – тяготел к сепаратизму, федерализм – к формальной децентрализации, а унитаризм – к монолитной вертикали власти. Фактически эта конституционная конструкция была обречена балансировать между двумя крайностями – угрозой распада и абсолютной унификации, исключая правовую саморегуляцию системы. Единая вертикаль союзного и республиканских президиумов ЦИК (позднее – Верховных советов) как “коллективных президентов” становилась мощным инструментом сворачивания федерализма, централизации и бюрократизации советского режима, обеспечивая реализацию тотального партийного контроля на всех уровнях. В этой перспективе главная “особенность” номинального советского федерализма заключалась в отсутствии конституционного механизма разрешения противоречий по линии бикамерализма (в СССР не было примеров конфликта двух палат), что стало причиной его неспособности предотвратить деструктивные процессы эпохи крушения СССР.

Распад СССР в 1991 г. воспроизводит всю логику создания этого государства в обратном порядке: пересмотр роли КПСС как гаранта Конституции поставил вопрос о движении к реальному конституционализму, но отсутствие адекватных механизмов правового разрешения конфликтов между республиками по линии бикамерализма и конституционного правосудия делали естественным прямое обращение к аутентичному смыслу конституционных (договорных) гарантий федерализма. Отказ от унитаристского начала вел к децентрализации власти по линии номинального федерализма, а последняя завершилась распадом страны на основе конфедеративного принципа самоопределения национальных государств. Описав полный круг, советский эксперимент в 1991 г. вернул страну к начальной точке – ситуации распада Российской империи в 1917 г. Постсоветская Россия, отказавшись от советской концепции федерализма как способа решения национального вопроса, провозгласила принцип народного суверенитета и отвергла идею сецессии республик. Но она по-прежнему сохраняет опасный уровень преемственности в отношении советского государственного устройства: воспроизводит противоречивое соотношение конфедеративного (договорного), федеративного и унитаристского принципов; сохраняет асимметричную модель федерализма; неопределенность в разграничении компетенций центра и регионов.

Правовые и внеправовые инструменты социальной мобилизации

Номинальный конституционализм выполнял ряд вполне реальных социальных функций – легитимации системы, обоснования ее безальтернативности в настоящем и несменяемости в будущем, камуфлирования реальной власти. Первая из этих функций заключалась в признании окончательности исторического выбора общества в ходе коммунистической революции. Вторая – в введении такой трактовки общественного договора, которая не предполагала возможности его пересмотра в изменившихся обстоятельствах как действующими, так и последующими поколениями (формальная легкость пересмотра всех советских конституций определялась именно этим базовым принципом). Третья из этих функций выражалась принятием такой концепции советского

государства, которая нивелировала роль подлинного носителя власти — партии и ее руководства, метаконституционный статус которого никогда не получал четкого юридически фиксированного характера. Определяющей социальной функцией номинального конституционализма должна быть признана мобилизационная. Советские конституции действительно фиксируют этапы социальной трансформации, однако это не стадии социального прогресса (“построения социализма”), а этапы массовой социальной мобилизации, требовавшие различной степени контроля общества государством, интенсивности подавления оппозиции, неодинаковых форм социальной коммуникации и инструментов манипулирования сознанием (смена которых определялась поиском ответов системы на внутренние и внешние информационные вызовы).

Понять устойчивость и длительность существования номинального конституционализма невозможно без учета экстраконституционного воздействия власти на общество — методов его социальной дрессировки, важнейшим из которых становились репрессивные кампании, призванные закрепить новые стандарты социальной и когнитивной адаптации. Важно, что все советские конституции принимались в периоды роста репрессий. Это роспуск Учредительного собрания и гражданская война (Конституция РСФСР 1918 г.); подавление регионального сепаратизма и создание унитарной модели государства (Конституция СССР 1924 г.); подготовка и начало Большого террора (Конституция 1936 г.); борьба с либерализацией периода “оттепели” (Конституция 1977 г.). В тех случаях, когда репрессий не было или они были минимальны (“оттепель” или горбачевские реформы), инициативы по принятию конституций не были успешны.

Конституции фиксировали новые “правила игры”, вводили формальные критерии разделения системного и антисистемного поведения, определяли образ врага и служили идеологическим и юридическим обоснованием направленных репрессий, легитимируя применение различных форм насилия. Эти формы на разных стадиях консолидации режима включали физическое истребление всех несогласных (в период гражданской войны), буржуазии (и вообще хозяйственно активной части общества), преследование национальных сепаратистов и уклонистов (иногда целых национальных меньшинств), адресные репрессии против религиозной оппозиции и политических оппонентов, уничтожение самой революционной элиты, позднее — символическое и вербальное насилие, а также уголовное и психиатрическое преследование инакомыслящих (“диссидентов”).

Институциональное конструирование: партия и советы

Основное противоречие системы номинального конституционализма — перманентный конфликт между нормой и реальностью — снимался путем направленного правового конструирования самой реальности. Будучи смирительной рубашкой на теле общества, конституции, тем не менее, не могли полностью игнорировать его институциональную динамику. В целом советские институты развивались в эндогенной форме — их эволюция связана с внутренними потребностями революционного режима, но развитие имело направляемый характер, отвечало потребностям правящей элиты.

Советы как политические институты оказались наиболее востребованной формой по ряду причин: возникнув спонтанно в ходе революции, они позволили преодолеть вакуум власти (разрушение традиционного аграрного общества, кризис социальной структуры и институтов привели к ситуации, когда старые институты не работают, новые — не созданы). Советы позволяли преодолеть конфликт справедливости и права, предоставив его разрешение самим массам на уровне их понимания ситуации; эффективно осуществлять практику насильственной социальной мобилизации общества на решение вопросов экономики, обороны и модернизации; легитимировать подавление волн традиционалистски мотивированного социального протеста. Наконец, советы предлагали институциональную альтернативу заимствованию представительных институтов более развитых стран, которые были положены в основу политической системы Временным правительством, но отторгнуты большевизмом как не соответствующие народным традициям; давали возможность (в силу своей архаичности) манипулировать ими (а в

случае необходимости подменять их другими институтами) со стороны революционной правящей партии, фактически выполняя ее директивы. Однако, будучи эффективным мобилизационно-распределительным институтом, советы изначально не могли стать полноценными органами власти и управления.

Определяя политическую систему как советскую, ее идеологи видели условность этого термина. Главная институциональная проблема — соотношение советов и партии — так и не получила разрешения: не существовало (вопреки официальным декларациям) никаких правовых преград вмешательству партии в деятельность советов всех уровней. Другая сторона той же проблемы — перенесение на советы ответственности за ошибочные решения партийных инстанций при камуфлировании их реальной власти. Третья сторона — последовательная деградация советского принципа, выражавшаяся в иерархизации и бюрократизации институтов.

С этим связаны невозможность создать прочные институты власти, действующие на правовой основе, общая незавершенность институционализации, противоречия которой так и не были преодолены в советский период. Переход от “диктатуры” к “общенародному государству” включал определенную институциональную трансформацию. Она выражалась, во-первых, в формальном расширении социальной опоры режима (движение от цензовых не прямых выборов в советы к принятию всеобщих безальтернативных выборов); во-вторых, в модификации структуры высших органов власти (в частности, переход от аутентичной “советской демократии” к ее бюрократизированной версии с принятием некоторых внешних атрибутов парламентаризма), в-третьих, в постепенной юридической фиксации важнейшего института реальной власти — правящей партии (от полного отсутствия в первых советских конституциях упоминания партии к принятию формулы о руководящей роли партии в 1977 г.). Завершением этой логики стало закрепление формулы о подзаконности партии и отмена положения о ее руководящей роли (1990 г.), что стало шагом к ее окончательному роспуску (1991 г.).

В сущности, советская система — перманентная дисфункция институтов. Систематические попытки “оживления советов” не предотвратили растущей бюрократизации режима. Возник феномен институциональной нестабильности, который уже в начале революции был механически преодолен введением параллельного советскому чрезвычайного революционного (экстраконституционного) управления, действовавшего в разных формах фактически на всем протяжении существования СССР. Представление о советах как об интегральных институтах непосредственной демократии, дошедшее до настоящего времени, требует поэтому решительного пересмотра.

Формальные и неформальные нормы в институциональной динамике советского режима

Ключевой фактор эволюции советского политического режима — установление оптимального для системы соотношения формальных и неформальных норм и институтов. Противоречие формальных и неформальных норм (при всей условности их разграничения для советского общества) определило институциональную динамику системы, прошедшую пять этапов. *На первом этапе* (создания советского государства) доминирующую роль играют неформальные практики, поскольку революционный режим в принципе отвергал право как способ социального регулирования: в теории господствовало представление о последовательном “отмирании” права и замене его новым типом общественного сознания, на практике — административная система принципиально отрицала правовые ограничения, руководствуясь принципом революционной целесообразности. *На втором этапе* (консолидации диктатуры) преобладает поиск стабильных правовых основ системы, что в правовой теории выражено сменой доктрины “правосознания” доктриной “революционной законности”, дававшей возможность при необходимости обращаться то к одной, то к другой части этой внутренне противоречивой формулы. Результатом стала дивергенция формальных и неформальных практик в условиях растущего осознания нереализуемости революционного мифа. Их разграничение

достигалась, с одной стороны, путем последовательной юридической фиксации норм и институтов номинального конституционализма, закрепления их иерархии в правовой системе и четкого порядка их пересмотра (законность); с другой — за счет последовательного выведения неформальных норм и практик за скобки правового регулирования (целесообразность).

Смысл институциональной трансформации состоял в замене старых правил и форм когнитивной и социальной адаптации новыми — в жестком разделении формальных и неформальных институтов, превращении первых в полностью декоративные, вторых — в реально действующие. Проблема согласования двух типов норм номинального и реального права была решена принятием Конституции 1936 г. (система норм формального права), социальной мобилизацией (кампания по ее “всенародному обсуждению”) и подавлением оппонентов, способных дать ее неконвенциональную (для режима) интерпретацию. Конституция “победившего социализма” 1936 г. (а это — канун Большого террора) и сопровождавшая ее принятие кампания внешнего и внутреннего политического пиара заложила основы советского мифа, представила его когнитивное оформление (знаменитое “двоемыслие”) и четкое юридическое выражение. Пересмотр этого мифа и определявшегося им механизма взаимодействия формальных и неформальных институтов становился невозможен без отказа от несущих основ системы. Именно поэтому сталинская Конституция стала наиболее длительной по времени существования из всех советских конституций. Очевидно, что устойчивость мифа о “самой демократической” Конституции 1936 г. определялась не содержанием ее декларативных положений, но их ролью в когнитивной трансформации общественного сознания, осуществлением масштабной социальной инженерии. Сталинская модель социального конструирования основана на ретрадиционализации политического сознания, насильственной модернизации и использовании новых информационных технологий массовой мобилизации. О том, что подобное преодоление дуализма формальных и неформальных институтов не может быть долговременным и потенциально ведет к дестабилизации системы ее создатели, по-видимому, не задумывались.

Третий этап на этом направлении — поиск путей конвергенции формальных и неформальных норм во имя сохранения эффективности режима в условиях, когда теряли действенность доминировавшие ранее экстраправовые формы социальной мобилизации, основанные на революционном энтузиазме и массовом терроре. Формирующееся в послевоенной Европе и СССР общество потребления с его ценностями прав человека, гедонизма и индивидуализма оказывалось все менее готовым следовать стандартам параноидальной революционной культуры, отказываясь жертвовать благами жизни во имя процветания грядущих поколений при коммунизме. Формирующийся общественный запрос на реализацию декларативных идеологических норм вел к когнитивному диссонансу в отношении номинального конституционализма и его институтов, требуя от политической элиты новой модификации революционной формулы.

Интуитивное ощущение постсталинским руководством институционального паралича и потери управляемости стимулировало дискуссию о дебюрократизации политической системы, стремление кодифицировать и юридически выразить принципы ее устройства и функционирования. Однако найденное решение не выходило за рамки основополагающей революционной формулы и попытки возрождения ее метафизической мессианской роли (в виде идеи немедленного перехода к коммунизму). Основная причина провала проекта несостоявшейся Конституции СССР 1964 г. — невозможность конституировать утопию и создать систему норм и институтов, способных реально функционировать на этой основе.

Четвертый этап — попытка элиты прагматически решить проблему институциональной стагнации, модифицируя легитимирующую формулу режима. Ее революционный потенциал сменяется охранительным. Этим объясняются скрытые мотивы, идеологические аргументы и институциональные практики, выражающиеся понятием “ползучей конституционализации” тех неформальных принципов и норм, которые реально

определяли функционирование системы, но ранее сознательно выводились из сферы формального правового контроля.

Ключевой проблемой по-прежнему оставалось отношение государственных (советских) и партийных структур, а наиболее острая дискуссия шла по вопросу о необходимости юридического определения института партии и его руководящей роли. Момент истины для системы — включение в Конституцию положения о партии как “ядре политической системы”, позволявшее ставить вопрос о правовых границах и ответственности ее роли. Статья 6 Конституции 1977 г., ставшая результатом этой дискуссии, оказалась едва ли не единственной, полностью соответствующей социальной реальности так называемого “развитого социализма”.

Пятый этап — этап коллапса системы и ее легитимирующей формулы. Движение от утопии к реальности в рамках перестройки Горбачева (более всего напоминающее историческую религиозную Реформацию) на этой стадии выражалось в осознанном стремлении трансформировать идеологию в право, а номинальное право в действующее и приблизить его к реальности. Однако попытка рассматривать утопические ценности и нормы номинального конституционализма как реально действующие (лозунг “передачи власти от партии к советам”) привела к потере управляемости и крушению однопартийной диктатуры. Выяснилась практическая неэффективность номинальных институтов. Отказ от коммунистического мифа и конец КПСС означал крушение созданного ею государства и его легитимирующей формулы.

В 1991 г. была воспроизведена ситуация 1917 г., когда крушение самодержавия привело к распаду страны. Выход из кризиса был найден в конституционной революции и принятии Россией Конституции 1993 г., заложившей основы новой легитимирующей формулы власти и формирования постсоветской политической системы. Конституция 1993 г. определила Россию как “демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления”. Однако она ввела сверхцентрализованную конструкцию политической власти, наделив президента огромными полномочиями и практически неограниченным правом по изданию указов с силой закона. Тем самым постсоветский конституционный цикл завершился принятием такой формулы власти, которая уже в момент своего появления на свет определялась как “латентная монархия”.

Таким образом, конфликт двух типов норм, институтов и практик (формальных и неформальных) был имманентно присущ системе, прошел несколько стадий развития (дивергенции и конвергенции), но не получил разрешения, завершившись параличом и крушением системы. В реальности на каждом этапе развития советского режима представлен определенный баланс формальных и неформальных институтов (иногда их сочетания) — гибрид правового и неправового регулирования социального поведения. Он давал политической элите возможность чрезвычайно эффективно изменять смысл конституционных норм, совершать подстановку одних интерпретаций другими и использовать одни и те же нормы для фиксации принципиально различных практик. Общий вектор советского юридического конструирования определялся социально-психологическими процессами — выгоранием революционного мифа; ограниченной фиксацией идеологических принципов в нормах позитивного права, подменой содержательных институциональных решений максимизацией контроля и бюрократизацией институтов.

В этой конструкции находит полноценное объяснение институт культа личности. Вопреки позиции современников, данный институт — не случаен. Он — имманентная функциональная закономерность, необходимая для поддержания системообразующего революционного мифа (особенно в условиях растущего понимания его утопичности), преодоления конфликта формальных и неформальных норм, номинального права и реальности, поддержания единства и иерархической структуры системы, разрешения противоречий и дисфункций, преодоления институциональных диспропорций на всех уровнях системы, в конечном счете — определения смысла социального конструирования. Именно поэтому институт культа личности последовательно воспроизводился в той или иной форме на всех этапах развития советского общества и был неизменным атрибутом всех систем советского типа.

Вопрос о специфике советской политической системы и институтов революционно-го периода должен быть решен в сравнительном, историческом и функциональном планах. В сравнительном плане советский режим, безусловно, отличается от полноценных демократических режимов, основанных на признании ценностей конституционализма. Но он отличается также от традиционных деспотических режимов или абсолютных монархий (не знавших каких-либо конституционных ограничений) и даже от современных тоталитарных и авторитарных диктатур (допускавших известную действенность правовых норм в системно ограниченных пределах). Он может быть определен как “светская теократия” – гибридный режим, совмещающий на разных этапах существования ряд признаков традиционных деспотий и авторитарных режимов новейшего времени.

В исторической перспективе выясняется сходство советского режима с предшествующими формами российской государственности. Идеология советской политической системы постулировала радикальный разрыв с прошлым. Мессианская идея коммунизма определяла систему завышенных ожиданий (мировая революция и пропаганда как разрыв с традицией), отношения с внешним миром (полная самоизоляция в течение 70 лет, отказ от европеизации, стремление создать оригинальную социальную систему и государственность), формы массовой мобилизации (отказ от религиозных и правовых ее форм во имя идеологических), неограниченность революционной власти. Но по всем этим направлениям историческая традиция постепенно брала верх над догмами революционной идеологии. Оказавшись у власти, большевики были вынуждены опираться на модель, исторически наиболее работоспособную и означавшую приоритет государства над обществом. Результатом разрушения правовой системы стала ретрадиционализация общества, приведшая к восстановлению в XX в. ключевых атрибутов абсолютистской власти.

Данная система – не изобретение русской революции, но, скорее, результат срыва исторического процесса, восстановления традиционных институтов в новых формах, воспроизводство их особенностей в более гипертрофированном виде. Аналогичные процессы ретрадиционализации общества и политической системы характерны для большинства стран, переживших аграрные революции в XX в. Это не позволяет говорить о существовании особой российской “цивилизационной матрицы” или некоей “русской системы”, будто бы фатально предопределяющей возврат системы к ее истокам, но заставляет искать то общее, что присуще всем режимам данного типа. Общая логика их эволюции – переход от прямой революционной диктатуры террористического типа к режимам номинального конституционализма с их последующей эволюцией в направлении авторитарных режимов (или режимов ограниченного плюрализма), использующих для поддержания своего господства инструментарий мнимого конституционализма.

Эволюция легитимирующей формулы режима (в рамках четырех партийных программ 1903, 1919, 1961 гг., ее новой редакции 1986 г. и соответствующих конституционных норм) определяется прежде всего реализацией его мобилизационной функции. В основе стадий ее развития – процесс рутинизации революционной харизмы, стремление приспособить ее к меняющимся социальным отношениям. Основным постулатом марксистско-ленинской идеологии явился метафизический тезис о “диктатуре пролетариата”, который составлял легитимирующую основу всех конституций советского образца. Фактически все социалистические государства рассматривали себя как государства диктатуры пролетариата. Модификация этой легитимирующей формулы и, в конечном счете, отказ от нее имел место только в СССР, где он прошел ряд этапов: от “диктатуры пролетариата” к “власти трудящихся”, от нее – к “общенародному государству”, а в конечном счете – к принятию идей “общечеловеческих ценностей”, “демократического социализма” и “социалистического плюрализма”, означавших отказ от однопартийной диктатуры.

Таким образом, на всех этапах развития советской политической системы прослеживается приоритет идеологии над правом, проявившийся в конституционном

закреплении основных идеологических догм. С этой точки зрения, можно говорить об общей преемственности революционной легитимирующей формулы, основная цель которой состояла в обосновании идеологически детерминированного государственного строительства и права партии на власть. Модификация легитимирующей формулы и юридические изменения, отражавшие влияние внутренних и внешних факторов системной консолидации, выражали не только идеологические приоритеты, но и различный тип функционирования режима — партийная диктатура, единоличная тирания, олигархия, президентский авторитаризм.

Формула власти проделала в XX в. эволюцию, включавшую пять этапов: 1) переход от абсолютизма (самодержавия) к дуалистической монархии с выраженным феноменом мнимого конституционализма (Манифест 17 октября 1905 г. и Основные законы империи 1906 г.); 2) от этой последней формы к парламентской республике (которая была провозглашена Временным правительством и Учредительным собранием, но так и не стала реальностью); 3) установление советской системы при режиме однопартийной диктатуры, стадии развития которой выражались эвфемизмами — “трудовая республика”, “республика советов”, “советский парламентаризм”, “общенародное социалистическое государство”; 4) переходный режим периода перестройки, определявшийся как “социалистический парламентаризм” и “советская система с президентской властью”; 5) принятие современной Россией дуалистической системы (смешанной формы правления французского образца), в реальности означающей установление суперпрезидентской власти. Таким образом, начало и конец революционного цикла — практически совпадают: в обоих случаях представлена фактически неограниченная власть главы государства. Единственное реальное достижение революции в этой области состоит в том, что по сравнению с поздним монархическим режимом в настоящее время власть — не наследственная, но теоретически избираемая. Несмотря на все изменения формы правления, объем власти главы государства остается практически неизменным в монархической системе, однопартийном режиме и современном президентском режиме.

Природа и структура постсоветского политического режима определяется исторической традицией, новой легитимирующей формулой и задачами постреволюционной стабилизации. В русской правовой традиции государство играло определяющую роль в формировании общественных отношений, в советский период стало воплощением революции, а в постсоветский — основным инструментом переходного процесса. Общим результатом этой трансформации стала современная форма правления с выраженной ролью президента, продолжающая историческую традицию российской государственности. Этим объясняется особенность легитимирующей формулы новейшего политического режима, которая представляет собой синтез трех ее исторических форм — конституционно-демократический (всенародные выборы президента), советской (идеологические функции революционного лидера) и монархический (неограниченный характер власти главы государства, имеющей сакральный характер и поставленной над системой разделения властей).

Этот синтез республиканской, революционной и имперской традиций нашел выражение в концепции и символике имперского президентства. Ее принятие в условиях конституционного кризиса 1993 г. рассматривалось как способ преодоления исторической традиции, но стало ее новой модификацией (достаточно указать на выразительные черты сходства новой политической системы с монархическим режимом кануна революции). Разработчики новейшей конституционной конструкции исходили из ее временного, переходного характера, считали избранного президента гарантом демократического вектора. Данная функция президентской власти в России, как и в других странах, вытекала из необходимости концентрации власти для подавления традиционалистской оппозиции (как правой, так и левой), осуществления радикальных социально-экономических преобразований и необходимости сохранения исключительных (чрезвычайных) полномочий главы государства на переходный период.

Реставрационная функция современного российского политического режима

Современный режим имеет выраженную реставрационную функцию. Предпосылки реставрационных процессов возникают в обществах переходного типа как реакция на несоответствие новых ценностей, норм и институтов, провозглашенных революцией, традиционным ценностям, формам социальной идентичности и поведения.

Реставрация, если понимать ее как типологическое явление, — логическая фаза всякой радикальной социальной революции. Ее суть — взять у революции ее программу, достижение и цели, отказавшись от ее методов. Стабилизирующая роль реставрационных процессов может быть обеспечена при условии, что они сопровождаются изменениями (как минимум, стремление к изменениям не блокируются). Современная фаза социально-политического развития России — есть посткоммунистическая реставрация, но одновременно она представляет ответ на вызовы глобализации и многообразия мира.

В настоящее время в российском обществе конкурируют два типа реставрации — по отношению к советскому и досоветскому прошлому. Первый тип связывает перспективы общества с возвращением к ценностям и институтам советской системы, второй — говорит о важности восстановления досоветских (дореволюционных) традиций, включая традиции русского имперского либерализма. Это порождает диссонанс реставрационных концепций, в которых сожительствуют коммунистические, консервативные и либеральные ценности. Обществу важно определить, от какого наследия оно отказывается, какие идеи и институты прошлого могут действительно способствовать современной демократической консолидации. Исторический опыт революций и реформ нового и новейшего времени показывает, что реставрация не абсолютна, имеет свою историческую логику, опирается на определенные идеи и исторические стереотипы, имеет свои границы.

Реставрация исторически представляет сочетание противоречивых принципов — компромисс общества и государства во имя выхода из революционного кризиса и достижения стабильности, которая в политической системе выражается в усилении государственного контроля. Эта система в России, как и в других странах, предлагала эффективное решение проблем переходного общества с позиций центразма. Данный режим сочетал новую демократическую легитимность с сохранением старой системы сверхпредставительной власти главы государства, позволяя преодолевать раскол в обществе переходного типа при осуществлении трудных социальных преобразований. Именно поэтому он получил столь широкое распространение в постреволюционных обществах, став во многих из них формой воспроизводства режима личной власти.

В сравнительной перспективе выясняется историческая логика подобных режимов: они могут быть эффективны на короткой дистанции, но не способны обеспечить длительную демократическую стабильность. Их недостаток состоит в тотальном государственном контроле, прикрывающем институциональную анархию, слабости правовых механизмов разрешения конфликтов, отсутствии полноценной политической конкуренции, общей тенденции к бюрократической асфиксии, утрате гибкости в критических ситуациях (как это было и в 1917 г., и в 1991 г.).

Стабилизация системы делает актуальным общественный выбор — переход к полноценному конституционализму и его институтам или сохранение имитации — воспроизводство модели мнимого конституционализма и авторитарной системы правления. Выбор зависит не только от исторической традиции, но и от представлений правящего слоя о целях модернизации — идет ли речь о построении правового государства или воспроизводстве системы авторитарной модернизации, направляемой демократии и ограниченного плюрализма. Важно, чтобы объективное содержание реставрации (стабилизация) не привело к своей противоположности — стагнации (и последующей неизбежной дестабилизации). На этом пути возможен выход из жесткой цикличности к устойчивому и поступательному развитию.

Революционная традиция и приоритеты демократических преобразований

Новейший этап исторического процесса возвращает нас к необходимости восстановления разорванной в XX в. исторической преемственности, полноценного осмысления революций и реформ, выбора адекватной стратегии национального развития в направлении гражданского общества, правового государства и реализации потенциала конституционных принципов. Формирующаяся гражданская нация ищет сферы приложения сил и их исторического обоснования, а не находя их — создает мифические, романтические и суррогатные образы прошлого, компенсирующие революционную травму, трудности переходного периода и неудовлетворенность настоящим. Изучение политической истории русской революции позволяет понять место текущей стадии развития общества, определить социальную природу существующего политического строя и перспективы его трансформации. Современный российский президентский режим стал наследием исторических форм государственности, воспроизводя их главную особенность — неподконтрольность государства обществу, неограниченный характер власти, которая может резко и произвольно изменять направление движения, руководствуясь персональными качествами и предпочтениями лидера. Сохраняется неопределенность в вопросе о том, каков может быть масштаб этих изменений. Отношение общества к данной модели политической власти — следствие исторической традиции, реакции на распад государства в прошлом и веры в то, что эта модель способна обеспечить политическую стабильность. Однако механическая стабильность не есть синоним устойчивого развития.

Приоритеты демократических конституционных реформ вполне очевидны. На этом пути необходимы: отказ от стереотипов номинального и мнимого конституционализма и замена его реальным; отказ от имитационной многопартийности и замена ее функционирующей системой политической конкуренции; отказ от партийных амбиций и замена их национальными приоритетами; отказ от бюрократической системы управления и замена ее ответственным правительством; отказ от режима неограниченной власти главы государства и замена ее подконтрольностью обществу национальным лидерством с понятной правовой процедурой сменяемости власти, в целом — переход от режима имперского президента к режиму аутентично функционирующей смешанной формы правления.

Задача, следовательно, состоит в том, чтобы завершить процесс политических реформ в направлении демократизации, окончательно решить проблемы, поставленные, но не решенные Февральской революцией 1917 г. Это означает прежде всего отказ от революционного мифа — широко распространенных представлений об “особом пути” российского общества во всемирной истории, будто бы вынужденного постоянно выбирать между анархией и диктатурой, неизбежности большевистской революции, неких преимуществах “советской демократии” по сравнению с ее классическими западными формами; апологии антиправовых революционных методов решения сложных социальных проблем. Необходимо последовательное преодоление устойчивых традиций абсолютизма, советской диктатуры и современных форм авторитаризма, и, напротив, возрождение культуры либерального конституционализма с демонстрацией уважения к тем ее представителям, которые были способны противостоять революционной идеологии и репрессивному режиму в условиях жесточайших репрессий. Нужно добиться уничтожения исторического отчуждения общества и власти, выстраивания стабильной правовой и институциональной системы, преодоления разрыв формально-правовых и неформальных антиконституционных практик, ведущих к воспроизводству авторитаризма. Это означает становление новой политической культуры “мыслящей демократии”, приоритетом которой должен стать переход от популистских деклараций к реализации этических ценностей и принципов правового государства, основанных на интеллектуальной и политической свободе личности.

Революция заканчивается только тогда, когда в обществе возникает культура демократии, завершается демократическая консолидация, а конституция становится действенной основой функционирования политического порядка. России предстоит еще длительный путь по формированию нового правового сознания, либеральных конституционных институтов и практик. Только после решения этих проблем мы сможем уверенно заявить: конец русской революции есть свершившийся факт.

Медушевский А.Н. (2017) Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX в. М.-СПб.: Центр гуманитарных исследований—Университетская книга.

Understanding Russian Revolution: Ideology, Institutes and Forms of Social Mobilization in XX-th Century

A. MEDUSHEVSKIY*

* **Medushevskiy Andrey** — doctor za sciences (Philosophy), tenured professor, the National Research University “High School of Economics”. Address: 20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: amedushevsky@mail.ru

Abstract

The systematic investigation of the Russian revolutionary tradition in comparative, historical, and functional perspective provides the possibility to understand its impact in creation of the modern world and contemporary social and political system. On the ground of cognitive history methods the author examines the role of Communist myth in the formation of the Soviet state, ideological and legal grounds of one-party dictatorship (Soviet constitutions of 1918, 1924, 1936, 1977) and institutional continuity in the context of revolutionary social mobilization. Arguing positive and negative results of revolutionary transformation, he analyses the phenomenon of the nominal constitutionalism and traces the different attitudes to institutional engineering, showing how the balance between formal and informal practices has shifted. The article discusses the evolution of legitimating formula of political regime from Tsarist times to the collapse of the Soviet regime, regarding the general influence of revolutionary heritage on the current political system and prospects of its modernization.

Keywords: Russian revolution, communism, soviet state, nominal constitutionalism, federalism, communist party, social mobilization, perestroika, post-soviet transformation, presidential power, revolutionary heritage, political modernization.

REFERENCES

Medushevskiy A.N. (2017) *Politicheskaya istoria russkoy revolyutsii: normy, instituty, formy sotsial'noy mobilizatsii v XX v.* [The political history of the Russian Revolution: the norms, institutions, forms of social mobilization in the XX century]. Moscow—St.-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh issledovaniy—Universitetskaya kniga.